ЗАБЛУДШИЕ ДУШИ ВСЕЛЕННОЙ

ТАТЬЯНА МИНЧЕНКО

Татьяна Минченко

Заблудшие души Вселенной. Маятник времени

«Автор»
2026

Минченко Т.

Заблудшие души Вселенной. Маятник времени / Т. Минченко — «Автор», 2026

Квантовый мост у ледяных гейзеров Энцелада так и не закрылся — а крейсер «Звезда» превратился в неуправляемый маятник, который швыряет экипаж сквозь эпохи.По следу «Звезды» идёт новейший флагман-перехватчик «Кречет» под командой таинственного главы секретного ведомства — человека, который сам застрял между веками и готов на всё, чтобы вернуться в свою тихую юность шестидесятых.Чтобы защёлкнуть замок времени и спасти будущее, поэту Василию Махни-Бороде, командору Сан Толичу, американцу Тому и ирландскому доктору ОМэлли придётся пройти по собственным следам: уйти от фарцовщиков в Москве октября 1966-го, спасти парящую станцию в кислотных облаках Венеры 1989-го, проникнуть на секретную верфь Филадельфии 1943-го и вернуться в самую первую точку всей этой истории — на первомайскую Красную площадь 1920 года.

© Минченко Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Г 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Татьяна Минченко
Заблудшие души Вселенной. Маятник времени

Глава 1

КНИГА ВТОРАЯ. МАЯТНИК ВРЕМЕНИ
ГЛАВА 1. Зубы «Горизонта»

На четвёртые сутки после бегства с Энцелада космос вокруг «Звезды» вдруг пошёл рябью — точно воздух над раскалённым июльским гудроном.

Всё худшее, казалось, осталось позади: начальник обсерватории «Ледогорск» Светлана Воронова по сверхдальней связи мастерски убедила командира преследовавшего их перехватчика «Варяг», что списанный крейсер разбился в ледяных торосах южного полюса, и тот ушёл с чистой совестью. «Звезда» спокойно тянула к внутренним планетам.

В кают-компании как раз разгорался очередной спор между Василием и доктором О'Мэлли о том, допустим ли детективный вымысел в пролетарской стенгазете, как вдруг по стальной палубе прокатилась глухая, утробная дрожь. Жестяная кружка с недопитым брусничным компотом подпрыгнула на столе, зависла на долю секунды во внезапной невесомости — и со звоном грохнулась на пол, оставив на линолеуме бурую лужу.

— Боевая тревога! Всем по постам! — рявкнул из переговорных труб охрипший голос Сан Толича.

Когда Василий и рыжий ирландец, скользя на поворотах, вбежали в ходовую рубку, за обзорными бронестёклами уже ломалась привычная геометрия мира. Чернильная пустота за поясом астероидов втягивалась в чудовищную, абсолютно чёрную воронку, по краям которой пылал ослепительный багрово-синий ореол разорванного света. Звёзды на глазах вытягивались в тонкие светящиеся нити, словно их закручивало в гигантскую центрифугу.

— Что за чертовщина?! — гаркнул Сан Толич, вжимаясь в спинку командирского кресла. — Штурман, доклад! Откуда здесь чёрная дыра?!

— Не было её на картах, товарищ командор! — выкрикнул штурман, перекрывая вой ревунов и сухой треск перегруженных генераторов поля. — Гравитационный градиент растёт по экспоненте! Нас тащит за горизонт событий со скоростью сорок километров в секунду!

— Реактор на полный форсаж! Все маршевые дюзы — на реверс! — скомандовал Сан Толич.

«Звезда» взревела всеми соплами. Палуба под ногами заходила ходуном, старая советская броня заныла и затрещала на стыках: невидимые тиски сжимали крейсер с боков и рвали вдоль оси, норовя расплющить многотонный корпус в длинную стальную струну. В рубке резко завоняло озоном и горелой проводкой.

Профессор Корнеев, едва успевший защёлкнуть ремни у пульта спектрометра, прищурился, глядя на пляшущие пики графиков, и ахнул:

— Сан Толич, это не аномалия! Гравитационная волна искусственно промодулирована! В трёх тысячах километров за кормой висит тяжёлый корабль под оптическим и тепловым экраном. Нас бьют квантово-гравитационным коллапсатором — установкой «Горизонт-9»!

— Откуда у них эта громадина, профессор?! — рявкнул командор, с трудом удерживая ручки управления.

— По волновому почерку… Боже мой! — Корнеев сорвал с носа запотевшие очки. — Ведомство всё-таки откопало в Москве тот самый булыжник Тома из шестьдесят шестого года! Помните, он говорил, что ему выдали опытный 5D-кристалл прямо из лаборатории «Радуги»?! Разведданные записали поверх черновых расчётов генератора! Когда на Энцеладе открылся мост, остаточный фон выдал кристалл с головой — и они вытащили из нижних слоёв формулы для своей пушки!

— То есть лупят нашим же оружием?! — рыкнул командор. — Вырваться сможем?

— Никак! — крикнул бортинженер с пульта энергетики, наваливаясь всем телом на вибрирующие рычаги. — Затягивает прямо в центр! Но, товарищ командор… если наш незакрытый фазовый контур с Энцелада сейчас зацепит эту искусственную сингулярность — рванёт такой временной резонанс, что нас вышвырнет из этого века куда подальше!

— Все конденсаторы — на защиту корпуса! Держитесь, братцы! — успел крикнуть Сан Толич.

В ту же секунду за бронестёклами полыхнул ослепительный белый свет — такой яркий, что резануло по глазам даже сквозь защитные светофильтры. Звук в рубке разом выключило, воздух стал ледяным и густым, точно вязкий гороховый кисель, а затем пространство с сухим, пушечным треском лопнуло…

На борту флагмана «Кречет»

В пяти тысячах километров от места событий, на просторном, залитом холодным синим светом мостике новейшего крейсера «Кречет», шеф секретного ведомства стоял, заложив руки за спину, и не отрываясь смотрел на тактический голографический куб.

Вокруг с выверенной чёткостью действовали офицеры в безупречных чёрных мундирах.

— Гравитационный заряд «Горизонта-9» отработал штатно, товарищ генерал! — доложил начальник вооружений. — Искусственная сингулярность поглотила крейсер «Звезда» до того, как они успели выйти на форсаж.

— Уничтожены? — сухо спросил шеф ведомства, не оборачиваясь.

— Никак нет! — вмешался оператор квантового пеленгатора, вглядываясь в бегущие по экрану цифры. — В момент схлопывания воронки их незакрытая фазовая метка вошла в резонанс с нашим деструктором! Вспышка перегрузки — и «Звезда» провалилась сквозь мет-

рику времени! Пеленгатор держит след… Вектор ушёл в глубокое прошлое! Ориентировочная точка выброса — октябрь тысяча девятьсот шестьдесят шестого года!

На жёстком, обветренном лице шефа ведомства впервые за долгие годы мелькнула горькая, торжествующая ухмылка.

— Работает… — тихо выдохнул он. — Маятник качнулся. Штурман, курс по фазовому следу! Врубайте квантовый прыжковый контур на полную мощность. Мы идём за ними в шестьдесят шестой — туда, откуда меня вырвало полвека назад!

Глава 2

ГЛАВА 2. Холодный октябрь шестьдесят шестого

Слепящая белизна за обзорными бронестёклами схлопнулась так же внезапно, как и вспыхнула. Крейсер «Звезда» швырнуло вверх, затем с размаху приложило днищем о невидимую преграду — словно старый ледокол на полном ходу вылетел на подводную скалу. В ушах противно зазвенело, и сквозь этот звон вдруг проступила непривычная, ватная глухота: тяговые реакторы заглохли.

В полумраке рубки нервно мигали багровые аварийные плафоны, тянуло горелой проводкой, а под палубой надрывно визжала турбина гравитационного компенсатора, гася остаточную болтанку.

— Отставить панику! — рявкнул Сан Толич, срывая с себя ремни и рывком поднимаясь из кресла. — Механик, доклад по корпусу! Штурман — координаты! Где нас носит?!

В переговорной трубе зашипело, лязгнул разводной ключ о металл, и через секунду донёсся запыхавшийся голос бортинженера:

— Реактор на холостом ходу, обшивка держит, товарищ командор! Но в кормовой радиорубке лампы полопались, как мыльные пузыри — такого скачка старушка ещё не видала!

— А вот насчёт координат… — севшим, чужим голосом проговорил штурман, не отрываясь от главного экрана.

Василий, только что поднявшийся с палубы и потиравший ушибленный локоть, шагнул к бронестеклу — и замер.

Внизу, в чернильной пустоте, не было ни рыжей пустыни Марса, ни полосатого брюха Сатурна. Прямо под килем «Звезды» медленно проворачивался огромный, слепяще-голубой шар с белыми завитками циклонов и знакомыми до щемящей боли очертаниями материков.

— Земля… — выдохнул Василий. — Братцы, да мы дома!

— Дома-то дома, Вася, — глухо обронил профессор Корнеев, изучая пляшущие пики на экране спектрометра. — Только глянь на орбиту. Пара наших спутников связи да горстка американских. Ни орбитальных станций, ни лунных маяков… В эфире пусто, как в каменном веке.

Старик достал из кармана потёртые счёты, с которыми не расставался со времён «Икара-7», коротко щёлкнул костяшками, сверяя периоды пульсаров, и медленно снял очки.

— Октябрь тысяча девятьсот шестьдесят шестого, товарищ командор. Гравитационный удар «Горизонта-9» сработал как квантовая праща. Нас отбросило на шестьдесят девять лет назад.

Никто не шелохнулся. Даже турбина под ногами, казалось, стихла, уступив место сухому тиканью хронометров на переборке.

В распахнутый люк заглянул доктор Шон О'Мэлли с походным саквояжем наперевес. Ирландец присвистнул сквозь рыжие усы и вдруг заговорил на чистом, почти без акцента русском:

— Кстати, друзья мои, я прихватил на марсианской базе новейший нейролингватор и освоил ваш великий и могучий буквально за сутки. Сюрприз! Можете выключать переводчики.

Док явно ждал аплодисментов, но в рубке на него даже не взглянули. Ирландец кашлянул и попытался зайти с козырей, блеснув свежими познаниями из корабельной советской энциклопедии:

— Святой Патрик… Да это же золотой век космической гонки! Гагарин, Королёв, «Восток», «Восход»! — выпалил он громче, надеясь расшевелить экипаж.

Но Сан Толич смотрел мимо доктора — прямо на застывшего у штурманского стола кока.

С загорелого лица Тома Брауна Первого схлынула вся кровь. Он стоял неподвижно, глядя в одну точку, и в его прищуренных глазах стремительно складывался какой-то пазл.

— Октябрь шестьдесят шестого… — сипло переспросил американец. — Какое сегодня число, профессор?

— Двадцать четвёртое, — сверился с расчётами Корнеев. — Вечер. Над Москвой уже стемнело.

Том медленно поднял взгляд на командора. От привычного добродушного балагура не осталось и следа — перед Сан Толичем снова стоял кадровый разведчик сорок третьего года, холодный и собранный.

— Товарищ командор, — жёстко сказал кок, — крейсер нужно немедленно уводить в глухую тень Луны, пока нас не засекли радиотелескопы в Крыму или Джодрелл-Бэнк. А нам — брать десантный бот и спускаться в Москву.

— В Москву?! — ахнул Василий. — Зачем?! Чтобы нас там в кутузку упекли как иностранных шпионов без документов?!

— Затем, Вася, — тихо отрезал Том, — что ровно через три часа, в одиннадцать вечера по московскому времени, в сквере у Садового кольца молодой повар американского посольства по имени Том Браун Первый пойдёт закладывать под скамейку булыжник с микрокристаллом из сорок третьего года.

По рубке прокатился изумлённый гомон.

— Погоди-ка… — медленно протянул Сан Толич, прищурившись. — Ты хочешь сказать, что прямо сейчас там, внизу, ходит… ты сам?!

— Именно, командор. Я — из прошлого, который только что приземлился в шестьдесят шестом. И ровно в одиннадцать под той скамейкой откроется временной мост. Если мы пере-

хватим его до срабатывания или снимем параметры воронки приборами профессора — у нас в руках окажется ключ от этого маятника.

— И это ещё не всё! — вскинулся Корнеев, хлопнув себя ладонью по лбу. — Вспомните, Том! В том булыжнике зашит опытный 5D-кристалл с нестёртыми расчётами генератора «Радуга»! А на хвосте у нас висит флагман ведомства с деструктором «Горизонт-9», который бьёт по тому же принципу! Снимем чистый спектр до прыжка — соберём глушилку против их пушки!

— Значит, медлить нельзя ни секунды, — начал было Сан Толич, но осёкся, глядя на мигнувший тактический экран.

На границе орбиты пустота разорвалась беззвучной изумрудной вспышкой. Из неё хищно выплыл чёрный, угловатый силуэт новейшего крейсера «Кречет».

Шеф секретного ведомства не отстал ни на шаг.

Глава 3

ГЛАВА 3. Плащ «болонья» и ночной патруль у Садового кольца

Десантный бот «Звезды», включив контур оптического преломления, бесшумно нырнул в плотные осенние тучи над Подмосковьем и мягко опустился в глухом буреломе Лосиного Острова, в двух шагах от заросшей просеки.

Едва опустилась аппарель, в шлюз ворвался прохладный, влажный воздух земного октября — пахнущий прелой листвой, сырой хвоей и далёким дымком паровозных гудков с Ярославской ветки. Василий прикрыл глаза и глубоко вдохнул, чувствуя, как на ресницы оседает мелкая водяная пыль. Настоящий дождь. Не из криогенной трубы в кают-компании и не метановая взвесь на далёком спутнике, а самый что ни на есть родной, московский дождик.

— Любоваться берёзками будем на обратном пути, — негромко напомнил Сан Толич, поднимая воротник тёмного гражданского пальто. — У нас два часа до того, как молодой Том выйдет из посольства с булыжником. Идём вчетвером: я, Том, профессор Корнеев с полевым пеленгатором и ты, Вася — для прикрытия. Доктор О'Мэлли остаётся на боте у рации.

Перед выходом из корабельной костюмерной — на «Звезде» держали целый склад земной одежды разных эпох — Василию устроили настоящее испытание. Вместо привычной гимнастёрки и вытертой кожанки на него натянули узкие брюки-дудочки, шерстяной свитер с высоким горлом и шуршащий синий плащ «болонья» — последний писк столичной моды шестьдесят шестого года.

Теперь Василий шагал по мокрому тротуару вдоль Садового кольца, то и дело подёргивая тесными штанинами и косясь на собственные рукава:

— Тьфу ты, срам какой! — ворчал он себе под нос, нащупывая в кармане блокнот и новенький красный маркер. — Штаны ногу сдавили, как тиски слесарные, а плащ гремит так, будто я в жестяную трубу залез! Разве ж это одежда для трудового человека? То ли дело галифе да шинель — простор, размах, душа поёт!

— Тише ты, модник, — усмехнулся на ходу Сан Толич, провожая взглядом пролетевшую мимо «Волгу» и светящиеся зелёные огоньки такси. — Зато сливаешься с толпой на все сто. Вон, глянь: каждый второй студент в таком же плаще бежит.

Москва шестьдесят шестого жила неторопливым вечерним ритмом. Над мостовыми висели мягкие желтоватые фонари, в витринах гастрономов высились пирамиды консервных банок, а из приоткрытых форточек доносились приглушённые голоса транзисторов «Иволга 66» — где-то крутили пластинку с «Чёрным котом», а где-то передавали сводку о новой автоматической станции «Луна-12». Никакой суеты, никакой тревоги.

У чугунной ограды пустынного сквера неподалёку от Новинского бульвара группа разделилась.

— Мы с профессором и Томом зайдём со стороны боковой аллеи и укроемся у фонтана с пеленгатором, — вполголоса распорядился Сан Толич. — А ты, Вася, постой на страже здесь, у входа, рядом с телефонной будкой. Заметишь подозрительных типов в одинаковых серых

пальто — это могут быть ищейки с «Кречета», они наверняка тоже выбросили десант в Москву. Свистнешь «Чижика-пыжика» — и мы сразу сворачиваемся. Понял?

— Понял, товарищ командор! — вскинул руку к виску Василий, забыв, что на нём не гимнастёрка, а шуршащий импортный плащ. — Пост сдал — пост принял!

Оставшись один под моросящим дождиком, он прислонился плечом к стеклянной стенке телефонной будки, заложил руки за спину и принялся с важным видом оглядывать пустынную улицу. На душе было светло и торжественно: кругом строился настоящий, живой социализм — без голодных карточек двадцатого года, с чистыми тротуарами, яркими вывесками «Мороженое» и вежливыми прохожими.

Идиллия продлилась ровно десять минут.

Из-за угла, озираясь по сторонам, к телефонной будке неспешно подошли двое молодых парней. Оба были одеты с иголочки: приталенные клетчатые пиджаки, узкие галстуки-селёдки, причёски с лихим начёсом и тяжёлый пузатый портфель в руках у того, что повыше.

Парни скользнули взглядом по новенькому синему плащу Василия, переглянулись, и высокий, придав лицу заговорщицкое выражение, шагнул ближе:

— Привет, шеф, — негромко проговорил он, а потом, перейдя на доверительный шёпот, добавил: — Вижу, человек ты солидный, не местный. Плащик-то фирменный, итальянский, небось из Варшавы или Праги привёз? Не хочешь сменять на пару редких пластов? «Битлз» на костях, свежая запись, звук — чистый хрусталь! Или чешской жевательной резинки блочок подкинем, по-дружески…

Василий моргнул, вгляделся в хитроватые физиономии ночных коммерсантов, перевёл взгляд на пузатый портфель — и его осенило.

Перед ним стояли настоящие, живые спекулянты! Самые что ни на есть купеческие недобитки, притаившиеся в светлом шестьдесят шестом году!

— Ах вы ж… контра недорезанная! — ахнул Василий, и в груди у него вмиг закипел праведный пролетарский гнев. — На костях?! Пластинки заграничные?! В то время как весь советскийнарод покоряет космос и поднимает целину, вы тут, в кустах у Садового кольца, буржуйской жвачкой приторговываете?!

Фарцовщики от неожиданности попятились.

— Ты чего, дядя, с дуба рухнул, какой буржуйской, в Чехословакии социализм? — зашипел тот, что пониже, нервно оглядываясь по сторонам. — Не ори! Какой народ, какая целина? Мы ж по-тихому, для ценителей…

— Для ценителей?! — прогремел Василий на всю улицу, вскакивая на бетонную ступеньку телефонной будки, точно на трибуну у Финляндского вокзала, и размахивая рукой в шуршащем рукаве «болоньи». — Да я вас сейчас на первую полосу «Красного рупора Вселенной» выведу! Совести у вас нет, тунеядцы, нахлебники, захребетники! Контра!

На громкий голос из-за угла размеренным шагом вышел постовой милиционер — в аккуратном синем кителе, фуражке с красным околышем и белых перчатках.

Фарцовщиков в ту же секунду словно ветром сдуло: они схватили свой портфель и на полусогнутых ногах нырнули в тёмный проходной двор.

Милиционер подошёл к будке, вежливо приложил два пальца в белой перчатке к козырьку и с лёгкой улыбкой оглядел раскрасневшегося оратора:

— Добрый вечер, гражданин. Что за митинг в поздний час? Нарушаем тишину?

Василий спрыгнул со ступеньки, вытянулся по стойке «смирно» и бодро отрапортовал:

— Здравия желаю, товарищ милиционер! Никак нет — проводил воспитательную беседу с двумя элементами, пытавшимися сбыть мне буржуазную контрабанду на костях
Постовой понимающе хмыкнул и одобрительно кивнул:

— А-а, знакомая публика, гоняем их от «Детского мира» всю неделю. Спасибо за бдительность, товарищ… э-э… сознательный гражданин. Только вы уж не кричите так громко, люди отдыхают. Документики при себе имеются?

У Василия ёкнуло внутри. Никаких документов шестьдесят шестого года у него не было — в кармане лежало только удостоверение писаря крейсера «Звезда» образца две тысячи двенадцатого года!

Но прежде чем он успел открыть рот, из-за угла со стороны бульвара вынырнули двое крепких незнакомцев в одинаковых серых плащах с поднятыми воротниками. В руке одного из них мерцал узкой синей полоской компактный пеленгатор будущего.

Ищейки с «Кречета» уже вышли на след. Василий прищурился, набрал в грудь побольше воздуха — и залихватски высвистел на всю ночную улицу первые такты «Чижика-пыжика».

Глава 4

ГЛАВА 4. Двое у скамейки и беглец из будущего

Просвистев «Чижика-пыжика», Василий мгновенно сменил тактику.

— Товарищ старшина! — выпалил он, тыча пальцем в сторону бульвара, откуда вышагивали двое крепких незнакомцев в одинаковых серых плащах. — Вот же они! Напарники тех спекулянтов, со шпионскими рациями! Проверьте у них документики!

Постовой нахмурился, оглядел мрачных типов с поднятыми воротниками — те в самом деле выглядели как диверсанты из свежего детектива — и решительно шагнул им наперерез, на ходу расстёгивая кобуру:

— Граждане, предъявите, пожалуйста, ваши документы!

Незнакомцы с «Кречета» опешили: стрелять в советского милиционера посреди Москвы шестьдесят шестого года в их инструкцию явно не входило. Пока они растерянно переглядывались, пытаясь незаметно сунуть квантовый пеленгатор за пазуху, Василий пригнулся и юркнул за чугунную решётку сквера — прямо в мокрые кусты сирени, обдавшие лицо ледяными каплями.

У неработающего старинного фонтана в глубине аллеи уже притаились Сан Толич, профессор Корнеев и Том Браун Первый. Профессор держал на коленях раскрытый полевой пеленгатор, по экрану которого бежала тонкая изумрудная волна.

— Пять минут до открытия окна, — прошептал Корнеев, поправляя сползшие очки. — Гравитационный фон у третьей скамейки по левой аллее зашкаливает. Смотрите… вон он!

Из густой тени лип на дорожку вышел невысокий, худощавый парень в заграничном драповом пальто и кепке. Он нервно озирался, прижимая к груди обмотанный тряпицей увесистый булыжник.

Том Браун Первый, присевший в кустах неподалёку, судорожно втянул носом сырой воздух.

— Это я… — еле слышно выдохнул он, глядя на самого себя — наивного, зелёного, ещё не знающего ни про двенадцатый год, ни про крейсер «Звезда», ни про маринованные грузди. — Боже, какой же я тогда был худой, а всего-то полгода прошло…

— Только не вздумай окликнуть, Том! — вцепился ему в рукав Корнеев. — Столкнётесь лицом к лицу — сработает эффект самоаннигиляции, или петлю порвёт раньше времени! Пусть положит камень под скамейку и отойдёт!

— Да не успеет он ничего положить! — зашипел Том, подаваясь вперёд. — Его — то есть меня — сейчас прямо вместе с камнем засосёт в воронку!

Молодой Том опустился на корточки у резной чугунной ножки скамьи, оглянулся в последний раз — и застыл. Воздух вокруг лавки задрожал и пошёл тугой, радужной рябью.

— Пора! — рявкнул Том и толкнул командора в бок.

Сан Толич метнулся из укрытия: в два прыжка настиг посольского повара, точным ударом выбил у него из рук обмотанный тряпицей камень — и тут же нырнул обратно в тёмные кусты. Тяжёлый булыжник глухо шлёпнулся в мокрую траву у дорожки.

И в ту же секунду из-за крайних деревьев на аллею шагнул ещё один человек.

На нём было простое, чуть мешковатое тёмное пальто советского покроя и фетровая шляпа, надвинутая на лоб. Но даже в тусклом свете паркового фонаря Сан Толич безошибочно узнал этот жёсткий, резкий профиль.

Шеф секретного ведомства.

Он шёл один, без охраны и без оружия — лишь с небольшим потёртым чемоданчиком в руке. На лице его не было ни холодной ярости, ни начальственной спеси. Он смотрел на мокрые липы, на мягкий жёлтый свет фонарей над Садовым кольцом и дышал так жадно, словно только что вынырнул из-под воды.

— Стой! Ни с места! — вышагнул из-за фонтана Сан Толич, загораживая дорогу к скамейке. Следом из кустов поднялись Василий, Том и профессор Корнеев.

Шеф ведомства остановился в трёх шагах. Он медленно оглядел команду «Звезды», задержал взгляд на шуршащем синем плаще Василия и горько, почти по-доброму усмехнулся:

— А, командор… И поэт здесь. Неплохо устроились. Только зря вы за мной гонитесь. Можете забирать и свой крейсер, и мой «Кречет» на орбите — я дал экипажу приказ возвращаться в своё время без меня.

— Как — без вас?! — опешил Сан Толич. — А ваш флот? Ваше ведомство?

— Да пропади оно пропадом, это ведомство! — вдруг тихо, но с такой неподдельной тоской вырвалось у седого человека, что даже Василий притих. — Вы думаете, я строил его ради власти? Я двадцать три года карабкался наверх только затем, чтобы поймать ваш квантовый след и вернуться сюда! В октябрь шестьдесят шестого! Меня ведь первый раз вырвало именно отсюда, с вечерней электрички, когда мне было двадцать два! А потом второй раз — в восемьдесят девятом, с Венеры! Я устал от ваших вечных космических гонок, кризисов и секретных бункеров, командор. Здесь — тишина. Здесь по радио поют настоящие, а не нейросетевые песни, люди верят в завтрашний день, в коммунизм, а друзья настоящие, не предадут. Здесь можно просто спокойно жить. Не мешайте мне.

Друзья притихли — кто-то отвёл взгляд, кто-то тяжело переступил с ноги на ногу. Да и что тут возразишь, когда человек всего лишь мечтал вернуться домой.

Профессор Корнеев шагнул ближе, прищурился на зелёную шкалу пеленгатора и негромко, без насмешки проговорил:

— Не выйдет, коллега. Будь всё так просто, мы бы сами вас здесь оставили. Гляньте на скамейку.У ног молодого Тома Брауна изумрудная воронка вдруг загудела низким, утробным

басом. Воздух вокруг лавки заискрил багровыми разрядами, затрещало статикой, а стрелка на приборе Корнеева с сухим щелчком ударилась в ограничитель.

— На вас висят сразу две незакрытые фазовые метки — шестьдесят шестого и восемьдесят девятого годов! — крикнул профессор, перекрывая нарастающий гул. — Пока вы остаётесь в этом времени рядом с открытой воронкой, два ваших квантовых следа накладываются друг на друга! Аномалия не схлопнется — она пойдёт вразнос! Через сорок секунд этот сквер и пол-Москвы втянет в квантовую дыру!

Молодой Том Браун в ужасе отшатнулся от скамейки, споткнулся о корягу — и на глазах у всех, с глухим хлопком, провалился во вспыхнувшую под ногами зелёную воронку, улетая прямиком в две тысячи двенадцатый год.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.